

и в его передаче безусловно заинтересовали бы учеников. В библиографии пословиц не указана даже имеющаяся по данному вопросу литература.

Автор знакомит читателей с историей изучения и литературного использования пословиц, загадок, детских песен. Все эти историографические обзоры написаны вполне добросовестно, богаты фактами, однако они мало отличаются от таких же обзоров в учебниках и пособиях для вузов. Профиль книги, предназначенной прежде всего для учителей, обаял В. П. Аникина проследить не столько изучение того или иного жанра, сколько его проникновение в школу, в детскую книгу. Необходимо было выделить ценные для нас примеры использования малых жанров фольклора выдающимися русскими педагогами.

В главе о детском фольклоре роль В. И. Даля и К. Д. Ушинского (в особенности последнего) показана недостаточно. Совсем не освещены интересные опыты В. П. Острогорского, составлявшего целые рассказы для школьников из народных пословиц и поговорок; обойдена молчанием многолетняя работа Л. Н. Толстого над включением фольклорного материала в знаменитые «Книги для чтения».

Пристальная оценка удач и неудач книги о малых жанрах до известной степени поможет облегчить, по нашему мнению, подготовку других пособий для учителей, посвященных иным жанрам русского фольклора — былинам, сказкам, песням.

Большие перемены, происходящие сейчас в советской школе, требуют от учителя все большей идейной и эстетической подготовленности и делают еще более актуальным изучение искусства, созданного народом-тружеником.

Э. С. Литвин

М. П. Хамаганов. *Очерки бурятской афористической поэзии*. Улан-Удэ, 1959, 264 стр.

Выход в свет монографии по бурятскому народному афористическому творчеству с постановкой ряда теоретических проблем — заметное явление в бурятском литературоведении.

Книга М. П. Хамаганова состоит из Введения и четырех глав («Бурятские пословицы», «Бурятские поговорки», «Бурятские загадки», «Бурятские народные благопожелания») и Заключения. В книге исследуется большой фольклорный материал, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот.

Развитие бурятской афористической поэзии рассматривается в рецензируемой книге по трем периодам. К первому периоду автор относит афористические произведения, возникшие в эпоху первобытно-общинного строя, в эпоху его разложения и формирования патриархально-феодалных отношений; ко второму периоду — произведения, созданные после добровольного вхождения Бурятии в состав русского государства; к третьему периоду — произведения, появившиеся в советское время.

Эта периодизация по социально-историческим эпохам — по существу первая попытка научного подхода к анализу исторического развития бурятского фольклора. За многовековую историю его развития в нем накопилось множество произведений, имеющих различное историческое происхождение. Автору удалось показать целостную картину развития бурятской афористической поэзии по отдельным периодам, выяснить, где, когда и при каких условиях возникали те или иные произведения.

Относительно происхождения афористической поэзии и ее ранних форм М. П. Хамаганов высказывает оригинальную точку зрения. Основные его положения следующие: афористическая поэзия создается еще в начальном периоде первобытно-общинного строя и достигает своего расцвета в период разложения родового строя монгольских народов, где, в частности, пословицы и загадки стали применяться для передачи важных и серьезных мыслей при ведении тайных дипломатических переговоров. Анализируя афористические произведения периода первобытно-общинного строя, автор считает, что в основе их лежит стихийно-реалистический метод изложения окружающей действительности, в частности охоты. В доказательство этого он указывает на тематику некоторых пословиц, например: «Не убив зверя, не дели его шкуру»; «На месте, где убил козу, три раза [следует] побывать» (стр. 42).

М. П. Хамаганов на большом фактическом материале старается показать, как во втором периоде старые темы, связанные со звероловством, а позднее и скотоводством, отходят на задний план и на смену приходят темы, связанные с освоением бурятами земледельческой культуры русских, например: «Кто презирает хлеб [урожай], тот лишится пищи; кто пренебрегает женщинами, тот останется без потомства»; «Что посеешь, то и пожнешь; что вырастил, то и получишь» (стр. 54). Афористическая поэзия этого периода отражает очень острую социальную борьбу, новые общественные формы, мысли, идеи. Таковы, например: пословица «У бедняка много хозяев, у сироты много нойонов»; загадка — «Что такое три шершавых, грубых? — Язык взрослого быка груб, горный точильный камень груб, установленная ханом власть груба».

«В основе афористических произведений, созданных во второй период, — пишет автор, — лежит творческий метод — критический реализм, благодаря которому афоризм

стические произведения приобрели пафос отрицания, меткое и острое критическое жало» (стр. 9).

Афористическая поэзия советского периода М. П. Хамагановым характеризуется как высший этап ее развития, когда создаются новые произведения, которые не теряют связи с прошлой поэтической культурой, но более близки к современным литературным традициям; например пословицы: «У Байкал-моря вода глубокая, учение учителя Ленина глубокое» (стр. 83); «Воспитывая своих детей, заслужи имя — имя старика-отца, работая с вдохновением, заслужи звание ударника» (стр. 217).

Автор подчеркивает, что в советское время не только создается новый по содержанию фольклор, но и старые традиционные формы афоризма наполняются новым содержанием. Так, бурятские загадки, как показывает автор, утратили свои старые функции, применяемые в тайных переговорах, и приобрели новые, т. е. ныне загадки стали только средством поэтической передачи реальных явлений действительности.

Следует отметить, что в отдельных главах, к сожалению, материал освещен не с одинаковой полнотой. Между тем М. П. Хамаганов оригинально интерпретирует отдельные пословицы, поговорки и загадки, раскрывая при помощи исторических преданий бурят и анализа художественных деталей их идейный смысл, выраженные в них народные чаяния и ожидания.

Возможно, конкретные исторические факты и древние обычаи, на которые зачастую ссылается автор в своем исследовании, отразились в бурятских пословицах, поговорках и загадках, но все же следует сказать, что эти реликты не определяют целиком идейно-социальный смысл произведений афористического творчества.

Являясь обобщением большого фактического материала по афористическому творчеству бурят, труд М. П. Хамаганова — ценный вклад в науку о фольклоре.

Отрадно то, что в книге М. П. Хамаганова дан, хотя и бегло, анализ средств художественной выразительности произведений бурятской афористической поэзии, показаны ее живые национальные краски. Издательство правильно отметило в краткой аннотации, что эта книга «представляет собою первый опыт исследования важнейших вопросов истории бурятской народной афористической поэзии, рассматриваемых в тесной связи с жизнью народа, с историей бурятского общества».

Наличие дискуссионных или недостаточно освещенных автором вопросов неизбежно в этом труде, являющемся по существу первой ласточкой в области исследования малых жанров фольклора бурятского народа.

У.-Ж. Ш. Дондуков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Slovenský národopis. Slovenská akademiá vied. Bratislava, ročník VI, 1958, N 1—6.

За послевоенные годы этнографы Словакии добились значительных успехов в изучении культуры и быта словацкого народа. При Словацкой Академии наук уже ряд лет существует Институт этнографии — научный центр этнографов и фольклористов Словакии. В 1958 г. создано Словацкое этнографическое общество, которое объединяет также большую группу музейных работников.

Оживление исследовательской работы словацких этнографов принесло свои плоды, особенно заметные в последнее пятилетие. В 1958 г. вышел из печати большой коллективный труд — монография о горняцком селении Жакаровцы¹, явившийся первым опытом этнографического исследования быта и культуры рабочего класса Словакии. На протяжении 1955—1957 гг. словацкие этнографы издали четыре крупные монографии, посвященные одежде словацкого крестьянства, и другие значительные работы².

С 1953 г. словацкие этнографы имеют свой периодический орган «*Slovenský národopis*»³. Журнал уже напечатал много ценных работ по различным вопросам этнографии и фольклористики.

В 1958 г. журнал уделит значительное место вопросам сельскохозяйственной культуры словацкого крестьянства. В статье Й. Нижнянского «Жатва и молотба в с. Брестованы в древности» (№ 3) на большом историко-этнографическом материале рассматриваются: выращивание урожая зерновых культур, жатва, вывозка урожая и подготовка его к обмолоту, а также очистка зерна и различные способы его хранения.

Близка по тематике к этой статье работа П. Хорвата «Жатва и молотба зерновых в западной Словакии в XVII и XVIII столетиях» (№ 1—2). В статье рассматривается малоразработанный в словацкой (да и не только словацкой!) этнографии вопрос: об-

¹ «*Banická dedina Žakovce*», Bratislava, 1956. См. рецензию В. Крупнянской и Н. Грацианской в журн. «Сов. этнография», 1958, № 1.

² J. Markov, *Slowakische Volksliedung der Vergangenheit*, Bratislava, 1956; S. Kováčevičova, *L'udový oděv v Hornom Liptove*, Bratislava, 1955; V. Nosálová, *L'udový oděv v Helpe a v Pohorelej*, Bratislava, 1956; J. Patková, *L'udový oděv v okolí Trnavy*, Bratislava, 1957.

³ До 1953 г. издавался «*Národopisný sborník*» (с 1939 по 1952 г. вышло 11 выпусков).